

УДК 811.511.143; 82: 398

М.В. Кумаева

Особенности языка малых жанров мансийского детского фольклора (на примере пестушек и потешек, загадок)

Аннотация. Известно, что пестушки, потешки и загадки относятся к малым жанрам фольклора, которые отличаются от жанров повествовательного фольклора простыми предложениями, небольшими объемными текстами. В данной статье рассматриваются особенности языка малых жанров мансийского детского фольклора – пестушек и потешек, загадок. В произведениях мансийского фольклора, предназначенных для маленьких детей, распространенными являются такие средства выразительности, как звукопись, повторы слов и словосочетаний, анадиплозис, восклицания и обращения.

Ключевые слова: фольклор, пестушки и потешки, загадки, язык.

M.V. Kumaeva

Language features of small genres Mansi children's folklore (for example pestushki and nursery rhymes, riddles)

Abstract. It has been known that petushki, nursery rhymes and riddles are small genres of folklore, which differ from the genres of narrative folklore in short sentences, small bulk texts. This article discusses the language features of small genres Mansi children's folklore – pestushki and nursery rhymes, riddles. In works of folklore of the people of Mansi, intended for small children, are common means of expression: the sound, the repetition of words and phrases, anadiplosis, exclamations and appeals.

Keywords: folklore, pestushki and nursery rhymes, riddles, language.

С малыми жанрами фольклора дети знакомятся в дошкольном и начальном школьном возрасте. В данной статье нами рассматриваются особенности языка малых жанров мансийского детского фольклора, их идейно-образное содержание.

Пестушки, потешки – жанры забав для детей самого раннего возраста – входят в область «фольклора для детей». Номинации жанров, производные от слова «потеха», чётко отражают их функционально-стилистическую направленность. В пестушках и потешках словесный текст сопровождается физическими играми взрослого и ребёнка (поглаживание, растягивание рук, игры с пальцами, качание на коленях и некоторые другие) [1, 221].

Итак, к пестушкам относят стихи, произносимые взрослыми при выполнении физических упражнений с ребёнком. Потешки обычно начинают рассказывать на втором году жизни, когда словарный запас ребёнка значительно пополняется.

Простые, короткие тексты потешек побуждают детей к действию; произнесённые нараспев, ласково, негромко, они успокаивают, настраивают на сон, отдых.

Пестушки и потешки до настоящего времени не были предметом специального исследования, поэтому публикации этих жанров в научных изданиях по мансийскому фольклору отсутствуют. В данной работе анализируются тексты, которые были записаны нами в полевых условиях в деревне Хулимсунт Берёзовского района Ханты-Мансийского автономного округа от информанта Алгадьевой Варвары Васильевны. Текст называется следующим образом: «Мāнь н̄яврам мāгыс ёнгил» – «Пестушка»:

«Мāнь н̄яврам яныг ёкван виве кāтрисе.
Тувыл ты н̄яврам нупыл лāваве:

Каткасы (луйги): «Тив-тив-тив!

Турап хōтал вāри ке,

Ам хоталь исапёгум?

Ам хоталь сялтапёгум?

Ам тыг ты исапѣгум!

Ам тыг ты сялтапѣгум!»

Тувыл юй-ѡвыл лѣтѣйт лѣвнѣ порат ты яныг ѡква кѣтѣ тотыгпаптыгѣ мѣнь нѣврам ханылпаттан – мѣнь нѣврам лякысьмаптаве. Нѣврам хот мовалы, тасир ты тав торамтаве. Ты ѡрыг эртгум каткасы ѡйрисякве тав ѡрге. Йив товыт ѡнлы каткасы, тувыл ѡрыг ѡрги, луйги.

Переведѣм настоящий текст на русский язык:

Берут ручку маленького ребёнка. Затем, глядя на ребёнка, ласковым певучим голосом произносят:

Синичка (щебечет): «Тив-тив-тив!

Если наступит день ненастный (дождливый),

Куда я сяду (залечу)?

Куда я спрячусь (от дождя)?

Я сюда вот сяду (спрячусь)!

Я сюда вот залечу (спрячусь)!».

При произнесении последних строк у ребёнка щекотали ладошку, щекотали внутри сгиб локтя и под мышкой. Это объяснялось тем, что птичка находила здесь укрытие от дождя: «Ам тыг ты исапѣгум, ам тыг ты сялтапѣгум! – вот куда я сяду, вот куда я спрячусь!» От этой ласковой пестушки у малыша появлялись радостные эмоции. Во многих текстах сказителями давались некоторые комментарии либо к теме всего текста, либо к какому-то эпизоду этого устного произведения. В данном тексте потешки сказитель поясняет, что это «песенка синицы, которая сидит на дереве и поѣт эту песенку».

Конструктивно-содержательную роль в тексте играет рифма, которая создаѣтся за сѣт повторяющихся глаголов исапѣгум ('присяду'), сялтапѣгум ('залечу/спрячусь') в форме первого лица единственного числа. Для усиления художественной вербализации в тексте репрезентируется лексический повтор – лексемы ам хоталь ('я куда'), ам тыг ты ('я сюда вот').

Далее проиллюстрируем наши рассуждения еще одним примером потешки: малыша берут на руки, затем, подбрасывая его вверх, исполняют в такт движени-

ям пестушку: «У-у-у! Товлагын, маркагын вос тѣкмѣг, нумыл тах товлыѣ ѡй хольт яласаѣкв патѣгын ('У-у-у! Крылья-суставы твои пусть крепнут, и ты потом будешь как птица высоко летать').

В анализируемых текстах вербализовались следующие элементы художественной выразительности:

– аллитерации звуков [т], [м], [с], [п];

– ассонанс звуков [и], [ѣ], [а], [ы];

– звукоподражания, восклицания, которые побуждали малыша к процессу бодрствования: «У-у-у!»; «Тив-тив-тив!».

В первой части предложения слова товлагын, маркагын ('крылья, суставы') стоят в форме второго лица двойственного числа, глагола-сказуемого тѣкмѣг ('крепнут') с побудительной частицей вос ('пусть'). Во второй части предложения будущее время глагола образовано посредством сочетания неопределѣнной формы глагола яласаѣкв ('летать') со спрягаемой формой вспомогательного глагола патункве ('быть, начать') патѣгын и (или) краткого наречного слова тах ('потом, немного погодя'): «Нумыл тах яласаѣкв патѣгын» ('(высоко) будешь летать').

В приведенном выше примере потешки, как и в колыбельной песне, благопожелание взрослого ребёнку таково: вырасти ему здоровым. В тексте ребёнок сравнивается с птицей, летающей высоко, ручки ребёнка сравниваются с крыльями – товлыѣ (ѡй). Самого младшего ребёнка в большой семье манси называли пити патта нѣврам (букв. 'гнездышка дна ребёнок'). Данное сравнение дешифруется следующим образом: проходит время, когда дети становятся взрослыми и, как птицы, улетают из гнездышка, из родительского дома.

В мансийском детском фольклоре одним из интересных в сюжетном и структурном аспекте жанров является «игра в загадки» («А̄мысь ѣнгил»). Под загадкой мы понимаем фольклорный жанр малой формы, который «состоит из двух частей: загадки (вопроса) и отгадки (ответа). Истоки загадок восходят к тайной речи первобытного общества. С течением времени древняя

функция загадок постепенно угасла, но их поэтическая форма оказалась продуктивной. К загадкам начали относиться как к способу испытания сообразительности, появились новые загадки о предметах и явлениях. Так сложился фольклорный жанр. Загадки содействовали активизации познания окружающего мира, формировали навыки логического мышления, развивали наблюдательность» [2, 56].

Собственно, малый жанр фольклора, к которому относятся загадки, у народа манси очень развит. Загадки всегда лаконичны, довольно образны и поэтичны, отражают быт, предметы и орудия труда, людей, окружающую природу.

С древнейших времен основными занятиями в жизни народа манси являются охота, рыболовство и оленеводство. Поэтому слова, связанные с данными видами промыслов, сохранились в текстах устного народного творчества:

- 1) номинации предметов, используемых в охоте и рыбной ловле;
- 2) номинации предметов, используемых в оленеводстве;
- 3) номинации домашней утвари, посуды, предметов домашнего обихода;
- 4) номинации одежды.

Произведения мансийского фольклора в XIX веке народа манси записывали венгерские ученые Антал Регули и Бернат Мункачи. Ими опубликовано множество текстов устного народного творчества манси. «У Бернат Мункачи и Арттури Каннисто – Матти Лиимола записано много загадок на верхнекондинском, нижнекондинском и нижнетавдинском диалектах мансийского языка» [3, 11]. По значительной систематизации мансийских загадок, одним из лучших является сборник, который составлен по материалам Берната Мункачи, Арттури Каннисто, Е.И. Ромбандеевой, Т.Д. Слинкиной.

Тематика мансийских загадок тесно связана с бытом и трудом народа. Загадки в сборнике размещены по принципу тематической группировки: «Лӓглыӓ ӓйыт, товлын ӓйыт, хӓлыт, хомлахыт» – «Животный

мир», «Ӕлмхӓлас шаӓкванэ, ӓлнэ пице» – «Человек: анатомия, физиология», «Нӓй, нӓй ӓращ (Уля, уля ӓращ)» – «Огонь и очаг», «Кол, кол пормас, ӓлнэ пормас» – «Дом, домашние вещи и предметы», «Рӓпата, рӓпитан пормасыт» – «Труд, предметы труда», «Алыщ пормасыт» – «Предметы охоты и рыбалки», «Ялнэ-миннэ пормас» – «Средства передвижения», «Ӕлмхӓлас маснутыт, таквинатэ сӓпитан, нӓтылтан пормасыт» – «Одежда, предметы гигиены, аксессуары национальной одежды», «Тӓп ӓнысӓн» – «Пища, посуда».

Загадки постепенно стали фиксировать те или иные изменения в общественной жизни: Нӓлмтӓл-сӓптӓл, а потырты (ловиньтан нӓпак) ('Без языка, без рта, а разговаривает (книга)'); Тав потырты, ам хӓнтлӓгум (радио). ('Он говорит, я слушаю (радио)'). Все примеры фиксируют употребление олицетворения. Также частотной оказывается вербализация антитезы: Тӓлы сӓс колыт ӓлы, туи совьӓ колыт ӓлы (сӓлы ӓныт) ('Зимой в берестяном доме живет, а летом – в кожаном (доме живет) (оленьи рога)') [4, 31]. Следует отметить и экспликацию метафорических переносов: Мӓтӓпрись тӓтсастӓн, тав супе тӓвырт лылыӓ вит тотыс ('Послали мышонка, чтобы он принёс во рту живой воды') [5, 26].

С течением времени «выходят из употребления некоторые слова, обозначавшие те предметы быта или социального строя, которые заменены новыми. Так, слово хӓс (ӓйка) в прошлом обозначало слугу, теперь этим словом могут охарактеризовать очень рослого, плечистого мужчину; словом пӓяр ('боярин') могут назвать человека, склонного к безделью, словом вӓтахум ('купец') – более состоятельного человека, словом хӓн ('царь') – человека, любящего грубовато распоряжаться. Некоторые устаревшие слова не забываются носителями языка, а приобретают новые значения. Слово койп, имевшее ранее значение 'шаманский бубен', ныне употребляется в значении 'барабан' [6, 21].

В «игре загадок» («ӓмысь ӓнгилт») принимают участие взрослые и дети. Если

дети затруднялись в отгадывании, то они могли задать следующие вопросы: присутствует ли предмет, подразумеваемый в загадке, поблизости, в пределах видимости, идёт ли речь об одушевлённом предмете или, наоборот, о неодушевлённом и т. д. Загадка начинается с контакто-устанавливающей фразы: «Ам āмшум-ōв!» (‘Моя загадка, эй!’).

Проиллюстрируем данное утверждение, обратившись к текстам мансийских загадок: «Ам āмшум-ōв! Кит ёрнэкваг-ōйкаг акван та кос воратэг, воратэг, акван ат ёхтэг, котылент лүпи. Я, ханьщелб̄н, м̄аныр? Ты самыг, т̄эн котылент нёл урам» (‘Моя загадка – эй! Две ненки хоть и тянутся, тянутся друг к дружке, да никак не достанут друг друга, валёжина между ними. А ну-ка, отгадайте, что это? Это глаза, а между ними нос’) [3, 78].

Народный фольклор имеет важное значение в процессе формирования у ребёнка мировоззренческих основ восприятия жизни, в развитии его разнообразных способностей, навыков словесного творчества.

Заметим, что с возникновением письменности у народа манси, начиная с 20-30-х годов XX в., И.Я. Чернецовой, В.Н. Чернецовым, А.Н. Баландиным на уроках мансийского языка и литературы стали использоваться тексты детского фольклора, в том числе и загадки для детей начальных классов.

Подчеркнём, что в текстах загадок эксплицируется звукоподражание: «Ам āмшум: Тьфу! (лэстан)» (‘Моя загадка: Тьфу!’), это точило для ножа, топора, косы,

при заточке мужчина делает слегка мокрым лезвие, плюнув на него, это действие помогает быстрее и лучше сделать острым точимый предмет). В дошкольном и в начальном школьном возрасте для детей загадывали загадки, структура которых отличается лаконичностью: «Ййв таях хуриң п̄айп. Ты м̄аныр? Ханьщелб̄н! (п̄акв)» (‘На дереве кузовок с орнаментом. Что это? Догадайся). Ответ оказывался довольно простым – это шишка. В сжатой форме в загадке нередко аккумулируется целая картина окружающей действительности: «Сэр в̄орт, м̄ор в̄орт супыг х̄ул āны ўнлы, ханьщелб̄н! (в̄альсям аня)» (‘В некотором тёмном лесу, глухом лесу стоит чаша с осетриной, догадайся, что это!) (куча щепок дерева)’.

Отметим, что в книге зарубежных исследователей Артуру Каннисто и Матти Лиимола, где содержатся записи мансийского детского фольклора, есть загадка, значительно отличающаяся от общепринятой жанровой формы. Она начинается со слов: «Няврамыг потыр» («Разговор детей»), далее мы читаем – «Кит няврам потыртэг, акватэ л̄ави...». Загадка по-прежнему построена в вопросно-ответной форме. В данном тексте «представлены наименования предметов по функции вместо общепринятых названий частей тела человека» [7, 103]. Особое значение приобретают рифмовки на мансийском языке, которые вербализуются с помощью номинации *ōлы* ‘есть, быть, является’. Приведем пример:

Няврамыг потыр:

Кит няврам потыртэг, акватэ л̄ави:
– «Эннын нумп̄алт маныр *ōлы*?
– Āвсантап *ōлы* (с̄упе).
– Āвсантап нумп̄алт маныр *ōлы*?
– Пус̄антуп *ōлы* (нёлсамасыг).
– Пус̄антуп нумп̄алт маныр *ōлы*?
– Щ̄уртникве (нёл).
– Щ̄уртникве нумп̄алт маныр *ōлы*?
– Рап̄шантап *ōлы* (самыг).

Двое детей разговаривают, один говорит:
– Что у тебя над подбородком находится?
– Крутило для пищи (рот).
– Над крутилом для пищи что находится?
– Пыхтило находится (ноздри).
– Над пыхтило что находится?
– Репка (нос).
– Над репкой что находится?
– Моргающие находятся (глаза).

Заметим употребление существительного, образованного от глаголов с помощью суффикса *-n* (*-an*, *-yn*): лексема *пунантуп* восходит к глаголу *пунантуп* («пыхтеть»), словообразовательный формант – суффикс *-yn*; *рапшантап* восхо-

- Рапшантап нумпәлт маныр бәлы?
- Нярвильтуп нильтаң бәлы. (вильтәйт)
- Нярвильтуп нильтаң нумпәлт маныр бәлы?
- Пәлиуп вөр бәлы (әтыт).
- Пәлиуп вөр ёлы-пәлт маныр бәлы?
- Хунтлантуп (палиг).

Как можно заметить, многие тексты мансийского детского фольклора построены в форме диалога. Данный способ организации текстового пространства оказывается очень значимым: «диалогичность важная стилистико-синтаксическая и структурообразующая особенность детского фольклора, дающая возможность <...> пофантазировать, превращая обыкновенный обмен репликами в увлекательную и ненадоёдающую форму игры» [9, 136].

Следует отметить, что в фольклорных произведениях эксплицировались элементы православной веры. В мансийском языке сохранилась церковная лексика: *пуп* («поп»), *Төрүм кол* (*Ялпың кол*) («церковь»), *хөн* («царь»), *карек* («грех»). Е.И. Ромбандеева объясняет данное словоупотребление тем, что «мансийский язык ассимилируется языками соседних народов, главным образом – русским» [10, 6]. Миссионерская деятельность и христианизация коренного населения Сибири начались более пятисот лет тому назад. «В 1448 году пятый епископ Пермский Питирим был в Москве с жалобой Великому князю на частые вогульские набеги, получил денежную помощь и налоговые льготы и возвратился в свою епархию. По возвращении он начал осуществлять миссионерскую деятельность среди вогулов» [11, 134].

Приведём примеры некоторых мансий-

дит к глаголу *рапшунтуп* («моргать»), *хунтлантуп* восходит к глаголу *хунтлунтуп* («слушать»).

Проиллюстрируем данную классификацию следующими примерами:

- Над моргающими что находится?
- Оголённого лица обрыв находится.
- Над обрывом оголённого лица что находится?
- Густой лес находится (волосы).
- Под густым лесом что находится?
- Слушающие находятся (уши). [8, 106].

ских народных загадок и сказок, в которых отразились христианские традиции, верования:

«Ам әмшум – өв! Акв өйка акв ұлыщпалә мән хөям, акв ұлыщпалә төрумн хөям; хумле хәйтнә әги, хумле хәйтнә пыг тув туп нас щалтапи. Я, ханьщелын, мәныр?» (Ты ялпың кол әви) / – «Моя загадка – эй! У мужчины одна челюсть земли коснулась, одна челюсть неба коснулась; пробегающие девушки, да пробегающие парни так и туда заходят. А ну-ка, отгадайте, что за загадка? (Это церковная дверь)» [3, 98].

В данной загадке церковь незримо соединяет небо и землю. «Пробегающие девушки, да пробегающие парни так и туда заходят», для посещения молитвы к Отцу Небесному (Нуми-Торуму).

Таким образом, проанализированный нами фольклорный материал показал, что короткие тексты пестушек употребляются взрослыми при выполнении физических упражнений с ребёнком, а тексты потешек побуждают ребёнка к действию, внушению малышу радостных эмоций. Пестушки и потешки содержат благопожелания взрослому ребёнку быть здоровым, включают сравнения, аллитерации, ассонанс, звукоподражания.

В текстах мансийских загадок распространены образность, поэтичность, лексические выразительные средства – архаизмы, историзмы.

Прослеживается лексика, связанная с традиционными видами промысла – охоты, рыболовства и оленеводства. А также лексика, отражающая православную веру.

Загадки народа манси лаконичны, довольно образны и поэтичны, отражают быт, предметы и орудия труда, людей, окружающую природу.

Литература

1. Белоусов А.Ф., Головин В.В., Кулешов Е.В., Лурье М.Л. Детский фольклор: итоги и перспективы [Электронное] / А.Ф. Белоусов, В.В. Головин, Е.В. Кулешов, М.Л. Лурье // Ruthenia: объединённое гуманитарное издательство кафедры русской литературы Тартусского университета. – Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/folklore/luriem10.pdf>. (последняя точка обращения – 23.11.2014).
2. Зуева Т.В. Русский фольклор: учебник для высших учебных заведений / Т.В. Зуева, Б. П. Кирдан. – 5-е изд. – М.: Флинта; Наука, 2003. – 400 с.
3. Загадки мансийские (вогульские) / авт.-сост. Т.Д. Слинкина; науч. ред. Е.И. Ромбандеева. – Ханты-Мансийск: ГУИПП «Полиграфист», 2002. – 178 с.
4. Фольклор манси Северной Сосьвы / сост. А.М. Хромова. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2004. – С. 75.
5. Мансийские сказки = Манси мойтыт: для детей начальных классов // сост., пер. Е.И. Ромбандеевой. – СПб: Алфавит, 1996. – 47 с.
6. Ромбандеева Е.И. Мансийский язык: учебник для педагогических училищ / Е. И. Ромбандеева, М.П. Вахрушева; под ред. Ю.Н. Караулова. – Ленинград: Просвещение, 1989. – 239 с.
7. Бурыкин А.А. Язык малочисленного народа в его письменной форме (на материале эвенского языка) / А.А. Бурыкин. – СПб: Петербургское Востоковедение, 2004. – 384 с.
8. Kannisto A. Wogulische Volksdichtung / A. Kannisto, M. Liimola // MSFOu. – Bd VI. – 1963. – Vol. 134. – 335 s.
9. Петрова М.В. Детская языковая картина мира (на материале детского немецкого фольклора): дис. ... канд. филол. наук / М.В. Петрова. – М., 2009. – 181 с.
10. Ромбандеева Е.И. История народа манси (вогулов) и его духовная культура (по данным фольклора и обрядов) / Е.И. Ромбандеева. – Сургут : АИИК «Северный дом» и Северо-Сибирское региональное кн. изд-во, 1993. – 208 с.
11. Чепкасов Е.В. История и последствия христианизации вогулов / Е.В. Чепкасов // Обские угры: научные исследования и практические разработки: Материалы Всероссийской научной конференции VII Югорские чтения / сост. С.А. Герасимова. – Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2008. – С. 134–138.

References

1. Belousov A.F., Golovin V.V., Kuleshov E.V., Lur'e M.L. Detskij fol'klor: itogi i perspektivy [Jelektronnoe] / A.F. Belousov, V.V. Golovin, E.V. Kuleshov, M.L. Lur'e // Ruthenia: ob#edinjonnoe gumanitarnoje izdatel'stvo kafedry russkoj literatury Tartusskogo universiteta. – Rezhim dostupa: <http://www.ruthenia.ru/folklore/luriem10.pdf>. (poslednjaja tochka obrashhenija – 23.11.2014).
2. Zueva T.V. Russkij fol'klor: uchebnik dlja vysshih uchebnyh zavedenij / T.V. Zueva, B.P. Kirdan. – 5-e izd. – M.: Flinta; Nauka, 2003. – 400 s.
3. Zagadki mansijskie (vogul'skie) / avt.-sost. T.D. Slinkina; nauch. red. E.I. Rombandeeva. – Hanty-Mansijsk: GUIPP «Poligrafist», 2002. – 178 s.
4. Fol'klor mansi Severnoj Sos'vy / sost. A.M. Hromova. – Tomsk : Izd-vo Tomsk. un-ta, 2004. – S. 75.
5. Mansijskie skazki = Man'si mojtjt : dlja detej nachal'nyh klassov // sost., per. E.I. Rombandeevoj. – SPb: Alfavit, 1996. – 47 s.
6. Rombandeeva E.I. Mansijskij jazyk : uchebnik dlja pedagogicheskikh uchilishh / E.I. Rombandeeva, M.P. Vahrusheva; pod red. Ju. N. Karaulova. – Leningrad: Prosveshhenie, 1989. – 239 s.

7. Burykin A.A. Jazyk malochislennogo naroda v ego pis'mennoj forme (na materiale jevenskogo jazyka) / A.A. Burykin. – SPb: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2004. – 384 s.
8. Kannisto A. Wogulische Volksdichtung / A. Kannisto, M. Liimola // MSFOu. – Bd VI. – 1963. – Vol. 134. – 335 s.
9. Petrova M.V. Detskaja jazykovaja kartina mira (na materiale detskogo nemeckogo fol'klora) : dis. ... kand. filol. nauk / M.V. Petrova. – M., 2009. – 181 s.
10. Rombandeeva E.I. Istorija naroda mansi (vogulov) i ego duhovnaja kul'tura (po dannym fol'klora i obrjadov) / E.I. Rombandeeva. – Surgut : AIIK «Severnyj dom» i Severo-Sibirskoe regional'noe kn. izd-vo, 1993. – 208 s.
11. Chepkasov E.V. Istorija i posledstvija hristianizacii vogulov / E.V. Chepkasov // Obskie ugry: nauchnye issledovanija i prakticheskie razrabotki: Materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii VII Jugorskie chtenija / sost. S.A. Gerasimova. – Hanty-Mansijsk : Poligrafist, 2008. – S. 134–138.